

Источники по истории СССР периода раннего феодализма

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

РУССКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в. О ПРИСОЕДИНЕНИИ СИБИРИ

О присоединении Сибири к России существует обширная историческая литература. Между тем круг источников, на которые опирались и опираются исследователи этой весьма интересной и во многом вызывающей разноречивые суждения проблемы, довольно узок. Основной материал обычно извлекают из так называемых сибирских летописей — сложных по своему составу и происхождению исторических памятников. Самая ранняя из сибирских летописей восходит к 30-м годам XVII в. (Есиповская летопись), т. е. ко времени, которое отделено от похода Ермака примерно полустолетием. Признавая за этими источниками чрезвычайно важную роль, исследователи, однако, уже давно обратили внимание на известные слабости и недочеты данной категории исторических известий. Даже углубленный анализ содержания сибирских летописей, которые иногда не без основания именуют историческими повестями, до сих пор оставляет много «белых пятен» и спорных положений в истории присоединения Сибири к России.

Трудности усугубляются тем, что до наших дней сохранилось крайне малое число современных официальных документов, отражающих события, непосредственно относящиеся к интересующей нас теме. За исключением царских грамот Строгановым да излагаемой в одной из них отписки чердынского воеводы Василия Пелепелицына мы не можем назвать других, введенных в научный оборот, официальных материалов.¹

¹ ДАИ, т. I, стр. 168—170, 172—176, 183—185 и др.; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, Приложения.

Данная статья ставит целью обратить внимание на один вид источников, который до сих пор не привлекался для исследований о присоединении Сибири. Речь идет о русских дипломатических документах второй половины XVI в. Эти документы в значительной своей части были опубликованы еще до революции в различных изданиях, освещающих сношения России с другими государствами.

Однако они оставались вне поля зрения исследователей, занимающихся историей Сибири. Тем менее могли привлечь внимание разрозненные и довольно краткие известия о Сибири со стороны ученых, которые изучали внешнеполитические сюжеты. Так или иначе, остается фактом, что наказы русским дипломатам, отправляющимся за границу, посольские статейные списки, инструкции приставам, сопровождавшим иностранных дипломатических агентов во время их пребывания в России, и другие подобные источники не рассматривались под «сибирским» углом зрения. Попутно заметим, что вообще такие документы могут иметь исключительно большое значение для исследования многих внутривосточных вопросов.

В ходе сношений с иностранными державами царское правительство излагало свое понимание как внешнеполитических, так и внутренних проблем. Следовательно, обращаясь к названной группе источников, мы должны ясно представлять, что будем иметь дело с сугубо официальной версией того или иного события, не говоря уже об узкоклассовой его оценке.

Перейдем к рассмотрению источников, отражающих сношения с Польско-Литовским государством, Швецией и Германской империей. Они, в частности, дают некоторый материал по спорному вопросу о времени присоединения Сибири к России.

После ряда зауральских походов русских войск в конце XV—начале XVI в. в титуле московского великого князя появилась формула «князь Кондинский и Обдорский». Таким образом, даннические отношения этих княжеств к Москве были признаны достаточными для причисления их к владениям Русского государства. Однако в это время и позднее в течение нескольких десятилетий в титуле Сибирь как таковая еще не упоминается. Но вот в 1555 г., спустя три года после падения Казани, царские грамоты к иностранным монархам стали содержать в составе титула нечто новое. В титуле Ивана IV появилось «и всея Сибирския земли повелитель». Предвидя возможные вопросы на этот счет (написание титулов было тогда под ревнивым наблюдением как внутри страны, так и при дворах зарубежных монархов), проект ответа командированного в Литву С. Турпеева, составленный в Посольском приказе, гласил: «...Сибирская земля поряду с Казанскою землею; и как государь наш... взял Казань, и сибирской князь Едигерь бил челом государю нашему со всеми сибирскими людьми, чтобы царь... пожаловал, Сибирскую землю

держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил». Далее указывалось, что Иван IV положил дань из расчета 2 соболя с человека в год «без перевода», а сборщику дани — по 2 белки «с головы». Едигер получил на этот счет царскую грамоту. «А послал к ним государь по свою дань своего данщика Дмитрея Курова сына Непейдына».² В обязанность Едигера также вменена военная служба со всеми своими «воинскими людьми, куды государь наш пошлет». В инструкции приводится цифра обложенного данью населения Сибирского ханства — 40 тыс. человек.³ Документы последующих лет убеждают в том, что сибирский элемент царского титула был действительно тогда новым.⁴ Заметим: инструкция ни словом не обмолвилась об отношениях Русского государства к Сибири в предшествующий период. Должно быть, этому не придавалось в тот момент особого значения. Что же касается географического положения Сибири, то оно отождествляется с основной территорией бывшего Сибирского ханства. Северные княжества (Кондинское и Обдорское, а равно Пелымское) в понятие «Сибирь» не включались.

Вплоть до 80-х годов XVI в. «сибирская» тема не звучит в дипломатических документах. События Ливонской войны и борьба с Крымской ордой на юге временно заслоняют ее. Но по мере получения в Москве известий о результатах похода Ермака и в связи с дальнейшими шагами по сокрушению Сибирского ханства эта тема прочно занимает свое место в дипломатической документации. Еще в 1582 г. посольские инструкции не содержат статьи о Сибири.⁵ А уже в 1584 г. мы встречаем довольно развернутую характеристику взаимоотношений с Сибирским ханством, заключающую сводку главных фактов, относящихся к военным действиям против Кучума. Подчеркнув, что сибирские «цари» «бывали из рук государей наших», наказ послу Лукьяну Новосильцеву и Кучума называет «посажеником» Ивана IV. Антимосковская политика Кучума рассматривается как нарушение подданства и «непослушание», сопровождавшееся изгнанием и ограблением царских данщиков. «И государя нашего отец, — говорится далее в наказе, — за это непослушанье велел на него итти из Перми казаком своим волжским и казанским и астороханским с вогненным боем. И те казаки, пришед, царство Сибирское взяли, людей многих побили, а царь побежал в Казатцкую

² По другим источникам он проходит как Дмитрий Куров (Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 208—209).

³ Сб. РИО, т. 59, стр. 479—480.

⁴ Там же, стр. 514, 517; т. 73, стр. 73, 384 (данные 1556, 1562, 1566 гг.). В 1570 г. рядом с Сибирью уже фигурирует в титуле «Северная страна» (там же, стр. 724).

⁵ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных, ч. I. СПб., 1851, стб. 856—858.

орду. И ныне государь наш послал в Сибирь воеводу своего, и сидят в Сибири государевы люди, и Сибирская земля вся, и Югра, и Кондинской князь, и Пелымской князь, и вогуличи и остяки, и по Оби по великой реке все люди государю добили челом и дань давать почали. И ныне те все земли с Сибирью государю послушны, в службе учинились и дань дают государю нашему соболи и черные лисицы». На возможный вопрос о реке Оби надлежало ответить: «Обь река ширина ей верст с пятьдесят, а городов по ней с семьдесят».⁶

Итак, нужно отдать должное руководителям русской дипломатии того времени: они достаточно оперативно откликнулись на все новости. Но самое главное для нас — это факты, касающиеся Сибири.⁷ Мы не допустим серьезной ошибки, если скажем, что перед нами — первое, исходящее от русского правительства, официальное сообщение о походе дружины Ермака (хотя имя атамана ни здесь, ни в других аналогичных источниках ни разу не упоминается) и его результатах. В приведенном выше тексте со всей отчетливостью выступает мысль о прямой государственной инициативе в организации военной экспедиции против сибирского «салтана». Документ подтверждает участие казаков в этой экспедиции, причем в данной записи наряду с волжскими казаками названы казанские и астраханские (в последующих документах упоминаются только волжские казаки). Далее, удостоверяется факт отправления экспедиции из уральских владений России (из Перми). Не расходятся с нашими представлениями и другие свидетельства этого документа (о взятии Сибирского царства, бегстве Кучума к казакам, посылке в Сибирь царского воеводы, под которым можно разуместь князя С. Болховского, и т. д.). Не случайно дана справка о реке Оби. В Европе проявляли повышенный интерес к отысканию Северного морского пути в дальневосточные страны, с которым связывали и реку Обь.⁸

Через год, в 1585 г., о Сибири встречаются записи в посольских делах со Швецией. Наиболее подробная запись — в наказе русским послам. Начало ее совпадает почти дословно с цитированной выше записью 1584 г. В отличие от предыдущей здесь казаки названы просто «государевыми», без уточнения их географической принадлежности.

Кроме того, в этом документе несколько иной оттенок носит определение роли центральной власти в организации сибирского похода казаков. Если предыдущий текст прямо говорит, что царь «велел» идти на Сибирь, то в данной записи формулировка

⁶ Там же, стб. 922. Сопоставление опубликованного документа с архивным оригиналом показывает достаточно высокую точность передачи текста.

⁷ Л. Новосильцев, будучи при имперском дворе, действительно встретил вопрос о Сибири, на что и ответил согласно наказу (там же, стб. 938—939).

⁸ См.: Г. К р а с и н с к и й. Покорение Сибири и Иван Грозный. Вопросы истории, 1947, № 3, стр. 87—89.

смягчена — «и государь наш... Иван Васильевич... поволит на Сибирь итти казаком». Далее сообщались некоторые новые фактические данные: «И казаки государевы, ис Перми шод, Сибирское царство взяли, а Сибирской царь Кучюм убежал в поле, и ныне государь на него послал рать свою; а племянник Кучюмов Маметкул царевич, собрався с людьми, приходил в Сибирь на государевы люди, и государевы люди тех всех людей, которые были с ним, больши десети тысяч, побили, а его самого жива взяли и к Москве ко государю привели; и ныне Сибирской царевич на Москве, а в Сибири государев воевода и дань с сибирских людей емлют на государя великую соболи и лисицы черные, и белку, и иной всякой зверь.

А царство Сибирское великое по Оби реке верст на две тыщи и больши, а городов в ней до семидесети; и ныне Сибирское царство в государеве воле».⁹

Следующий, 1586 г., представлен несколькими документами, характеризующими русско-польские отношения и содержащими сведения о присоединении Сибири.¹⁰ Это прежде всего наказ приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, отправленным для встречи польского посла М. Гарабурды. Запись о Сибири в наказе заслуживает более подробного разбора. Приводим ее полностью.

«А нечто спросит про Сибирь: каким обычаем Сибирское царство казаки взяли и как ныне устроена.

И Елизарью и Григорью говорить: Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших. А взял Сибирь великий государь блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, царя и государя и великого князя Федора Ивановича прадед тому ныне блиско ста лет, и дань положил собольми и лисицами черными. И государь наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии отец государя нашего¹¹ царя и великого князя Федора Ивановича казаков волжских послал, и казаки волжские царя Кочюма Сибирского побили и согнали с Сибири и Сибирь взяли, и брата Кочюмова царева Магметкула царевича взяли жева и ко государю нашему и царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии привели¹² и ныне у государя нашего служит.

А в Сибири ныне живут государевы воеводы и люди многие и дань с Сибирские земли государю нашему идет многая, соболи и лисицы черные и иной зверь дорогой.

⁹ Сб. РИО, т. 129, стр. 414—415; ср.: там же, стр. 463, 508, 515.

¹⁰ Выражаю благодарность Н. Б. Шеламановой, указавшей мне ряд неопубликованных документов из фонда № 79 ЦГАДА.

¹¹ Это слово вписано над строкой.

¹² То же. Путаница в определении родства Маметкула и Кучюма идет от тех времен (ср. выше).

А ясаку положил на Сибирское царство и на Конду Большую, и на Конду Меньшую, и на Туру реку, и на Иртыш реку, и на Иргиское государство, и на пегие колмаки, и на Об великую реку и на все городки на обские на девяносто и на четыре города з году на год имати на государя по 5 тысяч сороков соболей, по 10 тысяч лисиц черных да по 500 тысяч белки ебольшие¹³ сибирские и илетцкие.

А поделал государь города в Сибирской земле в Старой Сибири и в Новой Сибири, на Тюменском городище и на Оби на усть Иртыша тут город те государевы люди поставили, и сидят по тем городам и дань со всех тех земель емлют на государя.¹⁴

Сопоставляя эту запись с предшествующими, устанавливаем ряд существенно новых моментов. Во-первых, данный текст особенно четко выделяет роль казаков в присоединении Сибири, что сказалось и в самой постановке вопроса («каким обычаем Сибирское царство казаки взяли»). Во-вторых, выраженная ранее в очень туманной форме мысль о времени подчинения Сибири Москве обретает гораздо более ясное воплощение. Документ категорически утверждает, что Сибирь взята еще при Иване III. В-третьих, определен размер ясачного обложения, который трудно расценить иначе, как фантастический. В-четвертых, примечательны указания на возникновение первых русских городов в Сибири, под которыми предполагаются Тюмень, Тобольск и Обский городок. По-видимому, в первых двух, существовавших со времен сибирских ханов, были «поделаны» новые укрепления. Эти свидетельства несколько расходятся с имеющимися в литературе. Известно, что русская Тюмень возникла в 1586 г., русский Тобольск — в 1587 г. Здесь же предполагается, что эти города «поделали» раньше, ибо цитированный документ датируется примерно февралем 1586 г. Учитывая длительность времени на прохождение известий из Сибири в Москву, следует признать, что данный источник относит возникновение этих двух пунктов по крайней мере к концу 1585 г., а вероятнее, к еще более раннему времени. Не исключено, что тут желаемое выдано за действительное. Зимой 1585—1586 гг. из Москвы в Сибирь были отправлены новые воинские части, в задачу которых входила постройка новых городов. Не вызывает сомнений упоминание нового города у слияния Иртыша и Оби — это Обский городок, недолго просуществовавший, самый первый русский опорный пункт в Зауралье.

В основном содержание рассматриваемого документа повторено наказом русским послам в Польшу князю Ф. М. Троекову «с товарищи». Здесь лишь выправлена явная ошибка в титуле

¹³ Так в тексте.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 79, Сношения с Польшей, кн. 16, лл. 26—27 об. Сведения о ясаке ср.: Н. Карамзин. История государства Российского, т. X. СПб., 1852, стр. 25 и прим. 44.

Ивана III, ранее поименованного царем, а в справке о количестве ясака лисиц указана одна тысяча.¹⁵

При дворе польского короля поинтересовались Сибирью, на что посол дал соответствующий ответ, кое в чем дополняющий наказ. Так, русский посол счел нужным особо подчеркнуть заслуги нового правительства царя Федора и представить его деятельность и в этом направлении в самом выгодном свете. «И казаки волжские уже при нынешнем государе нашем царя Кучюма сибирского побили», — говорил он. При Федоре Ивановиче состоялась доставка в Москву пленного Маметкула (т. е. не ранее марта 1584 г.). В противоречие с другими дипломатическими документами утверждалось, что «преж тово николи не бывало» сбора дани с Сибири.¹⁶

Посольству Е. Ржевского в Польшу также были даны инструкции об ответах на вопросы о Сибири. Хотя инструкция относится к концу того же 1586 г., в ней улавливаются любопытные нюансы. Роль казаков вновь отступает на второй план как в самой постановке вопроса («каким обычаем Сибирское государство государевы люди взяли и как ныне устроена»), так и в тексте ответа, где говорится, что Иван IV «посылал на Сибирь воевод своих и волжских казаков». Заслугу победы над Кучумом также делят «воеводы и казаки».¹⁷ Та же картина зафиксирована в наказе 1587 г.¹⁸ Стремление показать государственное начало в подчинении Сибири отражено также в посольских наказах последующих лет.¹⁹

Некоторым исключением остаются наказы послам к германскому императору, где продолжают фигурировать «волжские казаки» (1588 г.).²⁰

Поскольку в эти годы с европейскими державами велись переговоры о возможности совместных военных действий против Турции, неоднократно в инструкциях русским послам поднимался вопрос о людских ресурсах Сибири. Возможное количество ратных людей, которых якобы могло выставить присоединенное к России Сибирское ханство, определено в 100 тыс. человек.²¹ Достаточно ясно, что составители документа хватили здесь через край, благо их никто не мог проверить.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 79, Сношения с Польшей, кн. 16, лл. 206—207 об. Этот разбой встречается и в других документах (см.: там же, л. 140—140 об. — пять тысяч, причем слово «пять» вставлено над строкой; там же, кн. 17, лл. 257 об.—258 об. — тысяча; там же, кн. 18, л. 113—113 об. — опять тысяча; в последнем случае вместо пятисот тысяч белок названо только пять тысяч).

¹⁶ Там же, кн. 16, лл. 364—365 об.

¹⁷ Там же, кн. 17, л. 140—140 об. Ср.: там же, лл. 257 об.—258.

¹⁸ Там же, кн. 18, л. 113—113 об.

¹⁹ Там же, кн. 20, лл. 24 об.—25 (наказ 1589 г.).

²⁰ Памятники дипломатических сношений..., ч. I, стб. 1042—1043.

²¹ Там же, стб. 1073. В другом случае говорится, что «людей збираетца в Сибирском царстве и в Пегой орде по Оби реке больши ста тысяч» (ЦГАДА, ф. 79, Сношения с Польшей, кн. 20, лл. 24 об.—25).

Итак, «сибирский вопрос» занимает прочное место в посольских делах России с другими государствами Европы. Размеры статьи не позволяют рассмотреть последующие документы, относящиеся к 90-м годам XVI в. и началу XVII столетия. Наша задача заключалась в том, чтобы остановиться на тех документах, которые шли по горячим следам событий, относящихся к походу дружины Ермака и первых правительственных отрядов. По той же причине нам пришлось отказаться от сравнительного анализа рассмотренных выше источников и сибирских летописей. Но, как бы то ни было, дипломатические документы второй половины XVI в. дают основания признать значительную долю участия центральной власти в осуществлении похода казаков Ермака на Сибирь. Если даже и не было такой стройной правительственной программы присоединения Сибири, какой она обрисована в работе Г. Красинского,²² то сама постановка вопроса представляется нам в свете изложенного достаточно оправданной.